

СОБОЛЕВ Денис Михайлович / Dennis SOBOLEV

| Литературный текст и проблема исторической памяти |

СОБОЛЕВ Денис Михайлович / Dennis SOBOLEV

Израиль, Хайфа.
Хайфский университет.
Доктор философских наук, профессор.

Israel, Haifa.
Haifa Department of Hebrew and Comparative Literature,
University of Haifa. Professor.

dennisobolev@hotmail.com

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Статья ставит своей целью прояснить проблему когнитивного содержания литературного текста в его отношении к историческому процессу. Говоря в более узких терминах, ее целью является сравнение литературного текста — как носителя чрезвычайно насыщенной памяти о «реальности» в ту или иную эпоху и процессах культурного формирования эмпирических субъектов истории — с традиционным историческим нарративом, сфокусированным на проблеме исторического события и структурах знания. Статья ставит своей целью анализ общей конфигурации тех культурных содержаний, которые сохраняет литературный текст в его отношении к историческому процессу, с одной стороны, и привычным историческим нарративом и репрезентациями, с другой. После теоретического введения, статья обращается к обсуждению традиционных исторических нарративов, чья модальность и форма могут быть прослежены вплоть до древнегреческой историографии. Она также кратко рассматривает некоторые более поздние типы исторического нарратива, фокусирующиеся на техническом развитии и динамике исторических формаций. Для таких исследований и нарративов литературный текст является всего лишь вспомогательным источником исторической информации. По контрасту с ними, в двадцатом веке литературный текст оказывается в фокусе различных форм исторического исследования: от Школы Анналов до американского Неоисторицизма. В то же время, с теоретической точки зрения не были прояснены те причины, в силу которых литературный текст — описывающий воображаемые миры и не существовавших людей, — может оказаться носителем более значимой исторической информации, чем документ, рассказывающий об «исторических» событиях. Эти причины заслуживают более внимательного теоретического рассмотрения. После краткого перечисления тех «следов» истории литературы, которые сохраняются в литературных текстах, статья указывает на то, что знание об их существовании лишь в небольшой степени приближает к общему пониманию проблемы. По контрасту с этим следами собственно «литературного» и на основе моих публикаций последних лет, статья обращается к тем общим культурным содержаниям, процессам и структурам, которые сохраняются в литературных текстах. Эти компоненты, являющиеся центральными для функционирования культуры, представляют собой чрезвычайно широкий спектр: от понятийных и эпистемологических полей, базисных поведенческих сценариев и норм — через процессы архетипизации символических форм и метафорические переносы между когнитивными полями — к общим связям между структурами значения и функционированием власти. Дальнейший

анализ обращается к двум теоретическим последствиям этого понимания. Во-первых, речь идет о содержаниях и процессах, формирующих как форму «реальности», в которой происходит то или иное историческое событие, так и эмпирических субъектов этих событий. Во-вторых, большинство этих культурных структур, процессов и содержаний находится ниже порога сознания эмпирического субъекта. В нормальных обстоятельствах они не становятся объектом исторической рефлексии — ни только в документах, которые создаются участниками и свидетелями событий, но и в тех более поздних исследованиях, которые базируются на этих документах. Это же, в свою очередь, означает, что с точки зрения исторического понимания литературный текст не является тем, чем его обычно видели историки: вспомогательным носителем исторической памяти, способным украсить «сухой язык исторического факта». С аналитической точки зрения, литературный текст является носителем гораздо более аутентичного и научно значимого исторического знания — не только по сравнению со «школьной» историей, но и традиционными историческими исследованиями. Именно поэтому — как психоаналитик, стремящийся превратить неосознаваемые или неотрефлексированные пласты психики пациента в осознаваемые и ясные содержания — так же и аналитик культуры должен стремиться превратить неосознаваемое знание и смутную память литературного текста в осознаваемую, анализируемую и оцениваемую память культурно-исторического анализа.

Ключевые слова: литература, история, проблема исторических нарративов, Школа Анналов, американский Неоисторицизм, историческая информация, историческая память, историческая саморефлексия, культурное бессознательное, культурное конструирование реальности, анализ культуры

Literary Text and the Problem of Historical Memory

The paper aims to clarify the cognitive content of a literary text in its relation to the historical process. In more specific terms, it aims to compare the literary text — as a vehicle of extremely rich information about the 'reality' of a particular period and the processes of the cultural formation of the empirical subjects of history — with the traditional historical narrative, which is focused on the problem of historical events and structures of knowledge. On the basis of my works published in recent years — the book *The Concepts*

СОБОЛЕВ Денис Михайлович / Dennis SOBOLEV

| Литературный текст и проблема исторической памяти |

Used to Analyze 'Culture', as well as a series of essays — the paper analyzes the general configuration of cultural contents, which are retained by the literary text in its relation to the historical process, on the one hand, and familiar historical narratives and representations, on the other.

After a general theoretical introduction, the essay proceeds to the discussion of traditional historical narratives, whose form and modality can be traced back to Greek historiography. It also briefly discusses some of the later types of historical narratives, like those focusing on the dynamics of historical 'formations' or technical developments. In all these types of historical research, a literary text can be little more than just one among many subsidiary assets. In contrast to these narratives, in different types of 20th century historical research literary texts emerge as a major focus of interest. These trends range from the French 'Annales' School' in the first half of the 20th century to the American New-Historicism of the 1980s and 1990s. At the same time, the theoretical reasons owing to which a literary text that describes imaginary worlds and persons may become a more important source of historical information than a document narrating 'historical events', have not yet been analyzed in detail, and deserve in-depth, independent theoretical scrutiny. After a brief enumeration of the 'traces' of literary history as such, which — as is well known — are retained by literary texts, the paper concludes that the awareness of their existence contributes relatively little to the general understanding of the problem. In contrast, drawing upon the works mentioned above, the paper enumerates the broad range of diverse cultural contents, processes and structures retained by the literary text. These components, most of which are crucial to the functioning of culture as a whole, range from the conceptual and epistemological fields, basic behavioral scripts and norms — through the processes of the archetypization of symbols and the metaphorical 'mappings' of cognitive fields — to the general

interrelations of meaning and power and, to use Fredric Jameson's felicitous term, the 'political unconscious.' In the discussion to follow, two corollaries from this understanding are stressed. First, these are cultural processes and contents that form the very 'reality' wherein a particular 'historical event' takes place, as well as the empirical subjects of these events. Second, most of these cultural structures, processes and contents are situated below the threshold of the consciousness of the empirical subject. Correspondingly, in normal circumstances they do not become an object of reflection — not only in documents that are written by the participants and witnesses of the events, but also in much later historical works, as they are based on these documents.

This, in turn, means that from the point of view of the problem of historical understanding, the literary text is far from being just an auxiliary carrier of historical memory which is, however, capable of enlivening and beautifying the 'dry language of historical fact,' as historians used to say. It is rather the vehicle of a much more authentic and scientifically significant form of historical memory — not only in comparison to textbooks in history, but also to traditional historical research. Therefore, like the psychoanalyst, who seeks to transform the unconscious, confused or forgotten contents of the patient's mind into clear and conscious understandings, so the cultural analyst must also strive to transform the unconscious knowledge and vague memory of a literary text into the clear and conscious memory of cultural and historical analysis.

Key words: *literature, history, problem of historical narratives, the 'Annales' School, American New-Historicism, historical information, historical memory, historical self-reflection, the cultural unconscious, cultural construction of reality, analysis of culture*

В этой статье¹ мне бы хотелось попытаться прояснить — по крайней мере, в самых общих чертах — проблему когнитивного содержания литературного текста в его отношении к историческому процессу. Говоря о том же, но в более узких терминах, моей целью является частичное сравнение литературного текста как носителя чрезвычайно насыщенной памяти о «реальности» в ту или иную эпоху и процессах культурного формирования эмпирических субъектов истории с одной стороны, с традиционным историческим нарративом, сфокусированном на проблеме события, структурах знания и макроэкономических процессах, с другой. На основе моих публикаций последних лет — монографии «Понятия, используемые для анализа культуры»², а также цикла статей, опубликованных в сборнике «Фундаментальные проблемы культурологии», журнале «Вопросы литературы» и «Международном журнале исследований культуры», — мне бы

хотелось прояснить значение тех общекультурных содержаний, которые сохраняет литературный текст, в их отношении как к историческому процессу, так и к привычным историческим нарративам и репрезентациям. В заключение, я постараюсь коснуться некоторых теоретических следствий этого анализа.

Несмотря на то, что, с теоретической точки зрения, понятие «традиционного исторического нарратива» является достаточно аморфным, в общих чертах легко понять, о чем идет речь. Все мы так или иначе присутствовали на школьных уроках истории с их бесконечными перечислениями дат, воин, походов, героических речей и легендарных персонажей. В те же или в чуть более поздние времена в большинстве случаев мы, наверное, читали Фукидиду или Тацита. Несомненно превосходя школьные учебники по детализации и красоте стиля, эти классические прообразы западной историографии еще в большей степени фокусировались на проблеме событий, военных действий, выдающихся персонажей и их эпохальных речей. Из этих и подобных им книг мы узнавали, например, что именно сделали, решили, сказали или даже имели в виду Юлий Цезарь или Александр Невский; кому они объявили войну и выиграли ли он ее; в какую сторону они двинули слонов, а в какую танки. Впрочем, в учебниках советского времени подобная «гимназическая» историография была дополнена некоторыми наблюдениями, касающимися проблем власти и экономического развития, которые обычно описывались в терминах «формаций» и «производственных отношений».

¹ Материал представляет собой переработанный специально для МЖИК текст доклада, прочитанного в Московском государственном университете 22 декабря 2011 года на X Поспеловских чтениях — 2011: «Художественный текст и культурная память»

² Dennis Sobolev. The Concepts Used to Analyze 'Culture': A Critique of Twentieth-Century Ways of Thinking. Lewiston, Queenston, Lampeter: Edwin Mellen Press, 2010. На русском языке значительно более концептивное изложение похожих соображений можно найти в: Соболев Д. Культура и бессознательное // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. 5 Теория и методология современной культурологии. СПб: Новый хронограф, Эйдос, 2009, С. 111–118.

СОБОЛЕВ Денис Михайлович / Dennis SOBOLEV

| Литературный текст и проблема исторической памяти |

Наконец, на протяжении XX в привычных исторических нарративах все более центральное место постепенно занимала проблема развития научного, технического и технологического знания. Вопросы о том, какими были в разные времена представления о природе и материи, как эти представления развивались, проблемы истории науки, развития техники и технологии все больше осознавались в качестве исторических; а «история прошлого», соответственно, становилась все более научно ориентированной. Более того, иногда подобная история как «история структур знания» интерпретировалась столь широко, что в поле ее интересов попадали не только научные, но и иные «мета-описания» человеческого существования в мире: например, религиозные доктрины или философские системы. Обычно эти темы приходили в исторический нарратив позднее, чем история событий или даже история оружия, однако в терминах этого доклада и они могут быть вполне отнесены к категории традиционных историографических тем.

Достаточно очевидно, что ни для одного из вышеперечисленных представлений об историографии литературные тексты не являются не только первичным, но — обычно — и даже просто существенным источником информации. Действительно, читая «Дон Кихота» даже самым внимательным образом, я могу почерпнуть лишь некоторые довольно поверхностные сведения об испанском оружии того времени, транспортных средствах и состоянии стратегических дорог — и совсем уж ничего не узнаю о войнах, политических интригах и дипломатической обстановке. Тем не менее, как в историографии, так и в «прилегающих» к ней научных дисциплинах и областях, уже начиная с гонца двадцатых годов прошлого века появилось стремление, постепенно создавшее целую цепочку научных школ в самых разных странах — писать историю «по-другому» и «о другом»; и в этой «иной» историографии литературные тексты постепенно заняли совсем иное место. До того, как я попытаюсь осмыслить причину подобных изменений, мне бы хотелось указать на эти тенденции в историографии более определенным образом — в особенности, поскольку начало этого процесса обычно осознается историками литературы значительно лучше, чем его поздние этапы. У истоков этого процесса, вероятно, находится французская «школа анналов» Марка Блока и Люсьена Февра; а во втором и третьем поколениях — «новая история» Броделя, ле Гоффа и Дюби³. На русском языке к ним примыкают работы Гуревича, его единомышленников и учеников. Как известно, историки «школы анналов» и их последователи стремились написать историю «периодов большой длительности» — проанализировать «картину мира», основные категории восприятия вселенной, пространства и времени, повседневную жизнь. Многие из них также пытались связать изменения в этой картине с демографическими и экономическими процессами. Существенным является и то, что несмотря на все теоретические разногласия истории развития «эпистемы»

³ Работы Марка Блока («Феодалное общество», «Короли-чудотворцы»), также как и его «Апология истории», могут послужить хорошими примерами этого подхода. В тот же период множество похожих примеров можно найти в статьях, вошедших в «Бои за историю» Люсьена Февра. Книги Жака Ле Гоффа и Жорж Дюби могут оказаться полезными в качестве более поздних примеров.

западной мысли, непрерывностей и разрывов в этом развитии, которые пытался писать Мишель Фуко⁴, во многом, продолжают ту же программу.

В истории подобных изменений историографических парадигм и задач на противоположном временном конце от «школы анналов» находится американский «неоисторицизм» восьмидесятых и девяностых годов XX века. Про него, вероятно, следует сказать чуть подробнее. В своих исследованиях неоисторицисты преследовали несколько целей, вполне подлежащих аналитической изоляции друг от друга. На том уровне аналитических задач, который в наибольшей степени очевиден, неоисторицисты пытались вычертить контуры власти и подчинения в ту или иную эпоху, а еще точнее «властвования» — не только с помощью армии или полиции, но, в первую очередь, с помощью знаний, идеологии, представлений и дискурсов. Соответственно, они детально анализировали многочисленные, разнородные и часто конфликтующие центры власти — например, двор, церковь, армию, колониальные администрации, торговые союзы и тому подобное — их языки и мифы, центры и механизмы, взаимоотношения и конфликты⁵. И все же это не было их единственной целью. Наряду с анализом функционирования механизмов и языков власти, неоисторицисты — особенно неоисторицисты школы Стивена Гринблатта — стремились реализовать ту программу, которую Вальтер Беньямин в своих тезисах об истории когда-то назвал «диалектическим материализмом»⁶. В этом смысле появление тысяч апелляций к «диалектическому материализму» в дискурсе западных гуманитарных наук как раз в период распада СССР и торжества предполагаемого «либерализма» является несколько парадоксальным. Беньямин и его последователи подчеркивали, что любая история является историей «варварства»⁷ (рабства, нищеты, голода, унижений и массовых убийств) ничуть не в меньшей степени, нежели историей «Культуры». Соответственно, задачей «диалектического материалиста» является возвращение в пространство памяти голосов жертв и голосов «других» — иными словами, всех тех, кто в силу своего классового, гендерного, политического, этнического или возрастного положения был лишен как места, так и голоса в традиционных исторических повествованиях. Именно поэтому Беньямин пишет, что задачей «исторического материалиста» является «чесать историю против шерсти»⁸.

Речь идет о достаточно неожиданном для традиционного историка понимании того, что абсолютное большинство человечества и его история были исключены из круга занятий историографии — но, согласно Беньямину и неоисторицистам, должны быть возвращены и в пространство истории, и в пространство памяти. Действительно, когда я пытаюсь узнать, как

⁴ См., например, Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб: А-сэд, 1994. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996.

⁵ См., например, Greenblatt S. Renaissance Self-Fashioning. Chicago: University of Chicago Press, 1980. Greenblatt S. Shakespearean Negotiations: The Circulation of Social Energy in Renaissance England. Berkeley: University of California Press, 1988.

⁶ Benjamin W. "Theses on the Philosophy of History." Illuminations. New York: Schocken Books, 1970, 255–66.

⁷ Ibid. С. 258.

⁸ Ibid. С. 258 — 259.

СОБОЛЕВ Денис Михайлович / Dennis SOBOLEV

| Литературный текст и проблема исторической памяти |

же именно прошла жизнь тех людей, которые не ораторствовали на площадях, не интриговали в альковах и не командовали танковыми колоннами, «школьный» исторический нарратив оказывается почти столь же бесполезным, как и, например, учебник по органической химии. Иначе говоря, если цель историографии интерпретируется в подобном неисторицистском ключе, оказывается, что традиционные исторические повествования парадоксальным образом «малоисторичны». Что именно сказал тот или иной император, пошел ли он войной на германцев, парфян или эльфов, оказывается для неисторицизма исторической темой третьей степени важности. Более того, пользуясь неомарксистской терминологией в стиле Франкфуртской школы, можно сказать, что все это, так сказать, является «ложным сознанием» прошлого и ложной памятью о прошлом — даже если она и содержит истинные «исторические факты». Но где же в таком случае может быть найден источник более подлинного и более полного исторического знания? Как уже говорилось, во многом, он был найден в литературных текстах. Однако для того, чтобы понять, как тексты о «небывшем» могли оказаться в роли исторических источников крайне высокой степени значимости, необходимо сказать несколько слов о еще одном теоретическом основании неисторицизма.

Этим основанием является философская «деконструкция» в целом, и деконструкция в литературоведении, в частности. Неисторицисты приняли вывод — или, в зависимости от того, как на это смотреть, тезис — Жака Деррида о том, что пространство смыслов и воспринимаемых предметов не является слепком с некоего предположительного набора «объективных объектов», не зависящих от культурного пространства и смыслополагающей деятельности человеческого сознания. Более того, согласно Деррида, с аналитической точки зрения, подобных объектов — в той форме, как их себе представляет повседневное сознание — не существует вовсе⁹. Соответственно, история «происходит», в первую очередь, в пространстве, сконструированном культурой. Как кажется, именно это и подразумевали неисторицисты, от которых одно время можно было часто услышать, что «для того, чтобы стать неисторицистом, нужно предварительно быть деконструктивистом». Впрочем, следуя общим соображениям такого рода, сторонники неисторицизма задались значительно более эмпирической задачей: реконструировать подобные культурно сконструированные пространства смыслов для разных эпох — а с их помощью и иную, более подлинную картину человеческого существования в истории. Как уже говорилось, для реализации этой цели традиционные исторические источники — будь то летописи, Фукидид или технические описания тех или иных танков — оказались относительно бесполезными. И наоборот, тексты Платона и Аристофана, Шекспира и Марло, Фрэнсиса Бэкона и даже кардинала Ньюмана оказались настоящими хранителями тех сведений и знаний, которые и искали неисторицисты.

Этот вывод, разумеется, содержит видимый парадокс: тексты, говорящие о «небывшем» и «несуществующем», парадоксальным образом оказываются историчнее текстов, говорящих о «бывшем» и фактически истинном. Неисторицисты обыч-

но пытались окружить этот парадокс различными фигурами умолчания, в то время как с точки зрения научной честности его следует скорее подчеркнуть, попытаться осмыслить его генеалогию и его смысл. Что касается генеалогии, то она, как кажется, может быть возведена к одному из самых знаменитых мест в аристотелевской «Поэтике». Как известно, в девятой главе «Поэтики», сравнивая поэзию с историей, Аристотель заключает, что «поэзия философичнее и серьезнее истории»¹⁰. Учитывая тот аргумент, что в отличие от воображаемых миров поэзии, история занимается событиями и фактами — и поэтому, на первый взгляд, гораздо ближе к философии с ее поиском истины существующего — этот вывод удивителен. Несомненно и то, что в данном случае острота аристотелевской полемики направлено против платоновского «Государства» с его отрицанием когнитивной значимости поэзии. Аристотель аргументирует свой парадоксальный вывод тем, что поэзия занята поиском законов и вероятностей человеческого существования¹¹, и именно в этом смысле она более философична нежели история, занимающаяся единичными фактами. Однако, как уже было сказано, для неисторицистов литература оказалась не только более «философичной», но и — парадоксальным образом — более историчной, нежели традиционная история. И этот парадокс требует дополнительного теоретического осмысления.

2

Позиция неисторицистов являлась, скорее, практикой, нежели теорией, — и как раз в качестве теоретической позиции была отрефлектирована лишь частично и достаточно односторонне. Во многом для этого тогда еще не хватало знаний, как, впрочем, и стремления к более системному видению; во многом мешала заявленная идеологическая ангажированность неисторицизма. Мне бы, наоборот, хотелось вернуться к теоретическим основаниям этой проблемы — безотносительно к тем конкретным формам, которые ее манифестации приобретали в работах «школы анналов», неисторицизме или каких бы то ни было иных течениях. Иначе говоря, необходимо попытаться прояснить и проанализировать те общие теоретические причины, которые и делают литературу «о небывшем» хранителем подлинной исторической памяти первостепенной значимости. Впрочем, для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо ответить на вопрос еще более базисный — вопрос о тех культурных компонентах, содержаниях и процессах, «слепок» с которых сохраняет литературный текст. При более формальной формулировке той же проблемы, метафору «слепка» следовало бы, вероятно, заменить на фразу: «относительно точечную реализацию чьих общих конфигураций сохраняет литературный текст». Так точнее, но и запутаннее; по сути же вопрос остается тем же.

Существует относительно много элементов собственно литературного процесса, память о которых сохраняет литературный текст. Как сами эти элементы, так и процессы их сохранения и трансформации, относительно хорошо изучены, и утверждение об их существовании уже не требует дополнительных аргумен-

⁹ Деррида Ж. Голос и феномен // Деррида Ж. Голос и феномен, и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб: Алетейя, 1999, С. 9–137. Деррида Ж. О грамматологии. Москва: Ad Marginem, 2000.

¹⁰ Аристотель. Поэтика // Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 655.

¹¹ Ibid. С. 655: «поэзия больше говорит об общем... общее есть то, что по необходимости или вероятности...»

СОБОЛЕВ Денис Михайлович / Dennis SOBOLEV

| Литературный текст и проблема исторической памяти |

тов. Так, например, известно, что литературный текст сохраняет память о содержаниях более ранних произведений — в том числе коллективных и фольклорных содержаниях — с которыми находится в отношениях достаточно сложной динамики. Эти отношения могут принимать форму цитирования, аллюзий, интертекстуальности, пародии — однако спектр возможностей этим далеко не исчерпывается. Аналогичным образом — и у этого факта есть как тематические, так и формальные последствия — литературный текст сохраняет и транспонирует многие из мотивов и сюжетов прошлого¹². «Историки идей», в свою очередь, чрезвычайно успешно демонстрировали то, как сохранение, развитие, преломление и адаптация атомарных идей и представлений, так же как и их абсорбция в иных культурных контекстах, происходят и в литературе¹³. Литература хранит память и о типах человеческих характеров — как на уровне собственно жанровых типологий (например, в комедии или романе), так и на уровне их более общего восприятия культурой. На более общем уровне Бахтин писал и о «памяти жанра»; с тех пор это понятие стало достаточно часто употребляемым. Более того, если принять во внимание тот факт, что большинство эмпирических литературных текстов являются результатом скорее встречи, диалога, синтеза, борьбы и противостояния жанров, нежели реализациями одного жанрового образца, окажется, что речь идет о возможности сохранения памяти об истории сразу нескольких жанров в одном тексте. Точно так же литературное произведение часто сохраняет следы уже частично забытой или отброшенной мифологии и символики — или даже мифологической картины мира в целом. Наконец, литературный текст хранит и память о прошлом языке — не только о языке в период написания той или иной книги, но и о «прошлом» самого этого периода.

И все же мне бы хотелось выйти за рамки обсуждения этих, достаточно очевидных, — но не составляющих никакой общей теоретической картины — «следов» литературного и общекультурного прошлого в литературных текстах. В то же время, пытаясь поставить тот же вопрос в более общей теоретической плоскости, я чувствую себя в довольно нелепом положении человека, который отсылает слушателей к своим собственным же работам. Но, к сожалению, в рамках одного доклада не существует иного способа дать общий ответ на вопрос, столь запутанный и столь многоплановый. Действительно, эта тема чрезвычайно обширна; но все же следует сказать, что на данный момент мы знаем довольно много как о базисных компонентах функционирования культуры и культурного процесса, сохраняемых литературными текстами, так и об их взаимных конфигурациях¹⁴. С достаточно высокой степенью точности в литературных текстах отражаются и сохраняются следующие частично пересекающиеся компоненты культуры:

Поле интенциональных форм — иначе говоря, тех базисных понятий, с помощью которых та или иная культура делит мир на объекты и приписывает этим объектам смысл и возможности использования¹⁵.

Структуры таксономизации

- Культурные концепты — понятия, маркированные в том или ином культурном пространстве
- Операции, с помощью которых синтезируется опыт и отдельные восприятия
- Собственно языковая компетентность в рамках того или иного языка
- Языковая картина мира и бессознательные связи между коллективной картиной мира и языковыми структурами
- Схемы идентификации и интерпретации опыта в конкретных ситуациях, в той форме как их изучает современная когнитивная психология
- Риторические фигуры и паттерны с их тенденцией к онтологизации риторических построений
- Сходный с метафорой перенос целых систем представлений и отношений на другие когнитивные поля¹⁶
- Процессы архетипизации символов, символических форм, мотивов и повествовательных последовательностей в той или иной культуре¹⁷
- Зависимость осознаваемых содержаний от динамики художественных форм и их развития
- Обычно неосознаваемые законы и границы изменения вторичных семиотических систем — например, метрических схем в поэзии
- Нарративные структуры и паттерны, примером которых могут послужить нарративные структуры сказки у Проппа
- Повторяющиеся мифологические и мифопоэтические структуры
- Глубинные генеративные структуры, лежащие в основе широкого круга явлений — от сказок до современных фильмов
- Поведенческие нормы; социальные и символические значения их соблюдения и нарушения
- Поведенческие сценарии, стандартизованные в том или ином обществе
- Стандартизованные типы человеческого характера в их отношении к социальным причинам, лежащим за пределами сознания индивидуума
- Механизмы социального и культурного формирования желаний индивидуума
- Формирование горизонта герменевтических ожиданий — как, в узком смысле, ожиданий читателя от текста, так и ожиданий индивидуума по отношению к окружающему миру и своему существованию, в целом
- Представления о «своем» и «чужом»
- Гендерные представления, категории и идеологии

¹² Веселовский А. Избранное: Историческая поэтика. Москва: РОСПЭН, 2006.

¹³ Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. Stallknecht, Newton P. "Ideas and Literature." Comparative Literature: Method and Perspective. Ed. Newton P. Stallknecht and Horst Frenz. Carbondale, IL: Southern Illinois UP, 1961, 115–151.

¹⁴ Соболев Д. Пространство литературы // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 3. С. 124–145. Более подробное изложение достаточно близкого материала можно найти в моей уже упоминавшейся книге *The Concepts Used to Analyze 'Culture.'*

¹⁵ Соболев Д. Прологомены к теории интенциональных форм // Вторая навигация. 2009. №3. С. 157–180.

¹⁶ См. например, G. Lakoff and M. Johnson. *Metaphors We Live By*. Chicago: U of Chicago Press, 1980.

¹⁷ Соболев Денис. Архетипы без Юнга. Из глубин психоанализа к поверхности массовой культуры. // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 165–208.

СОБОЛЕВ Денис Михайлович / Dennis SOBOLEV

| Литературный текст и проблема исторической памяти |

- Этические нормы
- Эстетические нормы и категории; процессы их формирования и развития — в большинстве случаев неосознаваемые индивидуумом¹⁸
- Идеологии, в целом, их базисные генеративные категории
- Формирование индивидуума в качестве воображаемого «субъекта» той или иной идеологии
- Функционирование власти в ее отношении к формированию индивидуума, его самосознанию и желаниям
- Сфера тех элементов, которые сознание индивидуума воспринимает как «вне-культурную реальность», но которые, на самом деле, также создаются культурой¹⁹
- Влияние, которое оказывает на сознание и поведение согласованность или диссонанс различных когнитивных элементов
- Ментальность, понимаемая в качестве системы коллективных репрезентаций, общих экзистенциальных ценностей и отношений к окружающему миру
- «Эпистема» в понимании Фуко — иначе говоря, общая конфигурация тех схем, с помощью которых та или иная культура выстраивает картину мира и общества
- Вытесненные за границы рефлексии индивидуума фактические условия существования и исторические реалии, которые Джеймисон называет «политическим бессознательным»²⁰

Отношения детерминации, взаимозависимости и корреляции между принципиально различными сферами культуры и различными пластами человеческого опыта. При радикальной формулировке речь может идти о «детерминированности» всей системы представлений о мире и человеческих отношений «базисом», относящимся, например, к экономической или социальной плоскости²¹. Но обычно на эмпирическом уровне оказывается возможным продемонстрировать лишь существование локальных механизмов детерминации отдельных представлений, ценностей и поведенческих кодов экономических и социальными отношениями. Наконец, в большинстве случаев оказывается проще говорить не о жесткой детерминации, а о глубинной корреляции между различными сферами — например, философией и политикой, поэзией и градостроительными техниками²², психологическими нуждами и религиозными ритуалами²³, сферой дискурса и общей структурой постиндустриального общества²⁴.

Этот список может быть и продолжен. Однако уже и он показывает, сколь удивительно разнообразным и значимым является тот спектр культурных процессов и структур, «слепок» с которых сохраняет литературный текст по ту сторону

¹⁸ Bourdieu P. *La distinction: critique sociale du jugement*. Paris: Les Editions de Minuit, 1985.

¹⁹ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002.

²⁰ Jameson F. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. London: Routledge, 1981.

²¹ Например, Маркузе Г. *Одномерный человек*. М.: REFL-book, 1994.

²² Benjamin W. *The Arcades Project*. Cambridge, Mass.: Belknap Press, 1999.

²³ Малиновский Б. Миф в примитивной психологии // *Магия, наука, религия*. М.: REFL-book, 1998. С. 92–144. Малиновский Б. *Магия, наука, религия* // *Магия, наука, религия*. С. 19–92.

²⁴ Jameson F. *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press, 1991.

памяти об истории мотивов и динамики жанров. Этот спектр простирается от интенциональных форм и таксономических категорий, от базисных поведенческих сценариев и процессов архетипизации символов до общих отношений смысла и власти, находившихся в фокусе работ Франкфуртской школы и неисторицизма, и джеймисоновского «политического бессознательного».

Подытоживая сказанное, мне хотелось бы подчеркнуть несколько теоретических следствий, осознание которых представляется чрезвычайно важным для более глубокого понимания отношений истории и литературы. Во-первых, те процессы, элементы, явления, структуры и отношения, о которых идет речь, не являются некоторой поверхностной культурной оболочкой, надеваемой на объективный и независимый от субъекта мир, предположительно данный ему «в ощущениях». На самом деле то, что дано в ощущениях эмпирическому субъекту — это чрезвычайно сложный и уже неразделимый продукт взаимодействия физического, биологического и культурного²⁵. Иначе говоря, те содержания, о которых идет речь, в значительной степени и формируют для эмпирического субъекта картину «реального». Не менее важным является и то, что содержания, структуры и процессы формируют не только картину «реальности» в качестве внешней по отношению к индивидуальному субъектному переживанию, но и самого эмпирического субъекта в его взаимоотношениях, взаимоотношениях и множественных взаимодействиях с «реальным». В сумме, речь идет о культурных процессах и содержаниях, формирующих ту «реальность», в которой происходит то или иное «историческое событие», а также и самих эмпирических субъектов этих событий.

Во-вторых, следует подчеркнуть и то, что значительная часть тех культурных структур, процессов и содержаний, которые были конспективно перечислены выше, находится — по крайней мере, в их целостности — ниже порога сознания эмпирического субъекта²⁶. Говоря проще, в нормальной ситуации они не становятся объектом рефлексии — ни при размышлениях на уровне «индивидуального сознания», ни в документах, которые создаются участниками и свидетелями событий. Соответственно, обычно они не находят своего адекватного отражения и в более поздних исторических исследованиях, создаваемых на основе этих документов.

Вывод, который из этого следует, на первый взгляд может показаться достаточно удивительным. Говоря метафорически, литературный текст «знает» то, что лишь частично знают участники событий и их современники, — или даже не знают вовсе. Парадоксальным образом, литературный текст «знает» больше, чем человек. Более того, речь идет об историческом знании значительно более насыщенном, разнообразном и глубинном, нежели то, которое нам может дать, практически, любой привычный исторический нарратив. Это же, в свою очередь, означает, что литературные тексты совсем не являются вспомогательными носителями исторической памяти — способными «оживить» или «украсить» «сухой язык исторического

²⁵ Sobolev D. *The Concepts Used to Analyze 'Culture'*, 565–639.

²⁶ Соболев Д. *Культура и бессознательное // Фундаментальные проблемы культурологии*. Т. 5 Теория и методология современной культурологии. СПб: Новый хронограф, Эйдос, 2009, С. 111–118.

СОБОЛЕВ Денис Михайлович / Dennis SOBOLEV

| Литературный текст и проблема исторической памяти |

повествования» — как это часто принято думать и говорить. Совсем наоборот, литературный текст оказывается носителем значительно более аутентичной и научно значимой формы исторической памяти — не только в сравнении со школьным учебником истории, но и по сравнению с традиционными историческими исследованиями.

Впрочем, и в этом выводе прячется еще один парадокс. Литературный текст, несомненно, знает об исторической реальности значительно больше, чем индивидуальный человек — с его часто «ложным» сознанием, — однако текст не знает о том факте, что он знает. Иначе говоря, литературный текст является носителем глубокого исторического знания, но в абсолютном большинстве случаев факт этого знания нигде не

проговорен и нигде не отрефлексирован. И в этом смысле литературно-исторический анализ относится и к литературному произведению, и к историческому процессу приблизительно так, как психоаналитик относится к своему пациенту. Как и пациент, литературный текст «знает», но не знает о том, что он знает; аналитик культуры же знает о том факте, что текст знает; но не знает, что же именно он знает. И поэтому как психоаналитик, стремящийся превратить неосознаваемые, смутные или забытые содержания души пациента в содержания осознаваемые, так и аналитик культуры должен стремиться превратить неосознаваемое знание и смутную память литературного текста в осознаваемую, анализируемую и оцениваемую память культурно-исторического анализа.

